

О. Н. ЯНИЦКИЙ

Длинные 1970-е: гражданское общество тогда и сейчас

Гражданский активизм эпохи застоя

Сначала об общей атмосфере тех лет, в которой формировался этот активизм. После четырех лет страшной войны и еще десяти, потребовавшихся на залечивание ее ран, страна наконец начала строиться, ее граждане — обустраиваться. Заводы работали, массовое жилищное строительство шло полным ходом, квалифицированных рабочих рук не хватало, о безработице и не слышали, молодежь училась, престиж образования и науки был чрезвычайно высок, на пенсию можно было жить и лечиться. Возможно, что каждый при этом «просвечивался» органами, но люди продолжали работать и учиться, отдыхать, воспитывать детей, строить планы на будущее. Критическая масса образованных и любящих свое дело людей нарастала. Это были годы зрелости тех, кто выжил на войне, — их настрой на созидательный мирный труд был очень высок.

Давление власти ощущалось, но не настолько, чтобы надо было замереть и отказаться от любимого дела. Общественная работа (не путать с «общественными работами»!) была нормой. Даже в такой, тогда весьма идеологически острой сфере, как социология, контроль и запрет не были тотальными — 1970-е годы были временем становления Советской социологической ассоциации. Хотя многие работы западных социологов были «гайкованными» («гайка» — штамп библиотечного спецхрана), мне, например, удалось основательно познакомиться с работами одной из основных школ американской социологии — чикагской, читая в открытом доступе работы по градостроительству и урбанизму. Мы регулярно встречались с социологами левой ориентации Великобритании, Италии, Франции, США. В 1980 году на Международном социологическом конгрессе в Варне (Болгария) советская делегация была второй по численности после американской.

Теперь несколько фактов из области, профессионально мне близкой. Студенческие дружины охраны природы (ДОП), возникнув в конце 1960-х, в следующем десятилетии развернули свою деятельность по всей стране. Их лозунгом был: «У природы должны быть везде свои люди», моральным императивом: «Если не мы, то кто же?», главными мотивами — самоорганизация, самовыражение и самореализация. Движение имело свои научные, просветительские и практические программы, как, например, «Флора», «Фауна», «Выстрел» и «Борьба с браконьерством». Лидеры и участники движения не только сохранились как общность на протяжении последующих 40 лет, но и стали ведущей силой гражданских экологических инициатив и движений 1980–1990-х годов. Даже комсомол тех вузов, на базе которых действовали ДОПы, вынужден был потесниться, настолько сильными они были. Более того, члены ДОПов одновременно были общественными инспекторами добровольных обществ охотников и рыболовов. Сегодня многие воспитанные в дружинной среде активисты возглавляют ведущие экологические НКО России.

Программа «Экополис», созданная в 1979 году биологами из МГУ, а также социологами и культурологами из других вузов и НИИ в тесном сотрудничестве с органами местной власти и группами местных активистов, осуществлявшаяся первоначально на базе биологического центра АН СССР (в городе Пущино под Москвой), была подхвачена многими другими научными и образовательными центрами. И не только подхвачена — равнодушные люди в малых городах стали создавать собственные группы, развивающие различные темы программы «Экополис». Группа преподавателей, возглавляемая Дмитрием Кавтарадзе, стала центром притяжения работ по городской экологии, которые начали вестись в этот период во многих городах СССР. Смысл и сила программы были в ее комплексности, междисциплинарности, в участии местной власти (тогда она была гораздо более доступной и чувствительной к местным экологическим проблемам) и гражданских сил (дискуссионных клубов, кружков, школ молодого лесника и так далее). Возможно, именно тогда начали возрождаться общественно-научные исследования. Сегодня «Экополис» — это бренд целого направления в экологии и связанных с нею социологии и технических науках.

Наиболее мощным и длительным протестным общественным движением 1970-х было движение в защиту Байкала против строительства поблизости от него целлюлозно-бумажного комбината и ряда других промышленных предприятий. Снова во главе его встали ученые, которые вовлекли в него тысячи активистов

по всему Советскому Союзу. Это было противостояние мощной ведомственной машины и советской общественности. Причем голос писателей, как, например, Валентина Распутина, был не менее весом, чем заявления и протесты с мест. Публичные выступления Распутина в защиту Байкала были первым в послевоенной истории страны опытом «одиночного сопротивления» или, как теперь говорят, «индивидуального гражданского противостояния». В этом же ряду стоят Василий Белов, Сергей Залыгин и многие другие. Замечу, и отдельные протесты, и кампания в целом освещались центральной и местной прессой. Скуппо, но освещались. Как и в первых двух случаях, на базе созданных тогда инициативных групп создавались общественные организации, которые изменились, но сохранились, защищают Байкал уже сегодня от новых напастей*.

История заповедного дела — отдельная страница борьбы русской и затем советской интеллигенции за сохранение природы и среды обитания человека. Дело в том, что заповедные территории и земли с самого начала существования советской власти были яблоком раздора между учеными и специалистами природоохранного дела, с одной стороны, и утилитаристски ориентированными хозяйственниками и чиновниками, с другой. Их борьба продолжалась на протяжении всей советской истории, причем на стороне последних была такая тяжелая артиллерия, как Иосиф Сталин и Никита Хрущев. Заповедники в 1960–1970-е годы — это небольшие, но преданные своему делу коллективы ученых и практиков, включая тех, кто в годы репрессий был сослан «в места не столь отдаленные». Эти люди, освободившись, остались там, в глубинке, и выпестовали в своей среде целое поколение экологов, в этой среде позже проходили практику ДОПовцы и другие энтузиасты природоохранного дела. Недаром американский историк Дуглас Винер вслед за Сергеем Залыгиным назвал заповедники «маленьким архипелагом свободы»**.

Гражданский активизм был характерен для всех групп и уровней советской экологически ориентированной интеллигенции: от Клуба юных биологов зоопарка Москвы и Московского общества испытателей природы до многочисленных национальных и международных комиссий по проблемам биосферы, Советов Академии наук по тем же проблемам, собиравшим самых авторитетных и за-

* Слово в защиту Байкала / Сост. Б. Ф. Лапин. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987.

** См., в частности: *Винер Д.* Уголок свободы. Охрана природы в России: от Сталина до Горбачева // *Неприкосновенный запас*. 2006. № 2.

интересованных ученых естественного и гуманитарного профиля. А также бесчисленные экологические и ландшафтные комиссии в Союзе архитекторов СССР, НИИ градостроительства, Главохоте и других организациях и учреждениях. Для тех, кто хотел бы документально ознакомиться с историей экологического движения 1970-х (в его противостоянии советской бюрократической машине) в полном объеме, рекомендую книгу Дугласа Винера, проработавшего в архивах СССР более 10 лет*.

Этот прорыв на публичную арену ученых, писателей, инженеров, архитекторов в качестве лидеров общественного мнения произошел в результате ряда широких общественных дискуссий в «Известиях», «Литературной газете» и других центральных изданиях. До сих пор трудно сказать, был ли этот прорыв результатом нажима обретавшей силу общественности или уловкой коммунистических идеологов, открывавших, с их точки зрения, наиболее безопасный клапан для канализации недовольства советской интеллигенции. Как бы там ни было, утверждал писатель Валентин Распутин, «...послевоенное общественное мнение после немалых сроков народного безмолвствования, в сущности, с Байкала и возродилось»**. Однако факт остается фактом: на публичной арене появились фигуры защитников природы и культуры «места» национального масштаба. Не менее важно было и другое: многие из них вышли из среды советской гуманитарной интеллигенции.

Сегодня даже трудно себе представить, какое значение для охраны природы имели произведения писателей-«деревенщиков» 1960-х годов — «Прощание с Матерой» и «Пожар» Распутина, «Царь-рыба» и «Последний поклон» Виктора Астафьева. То были нравственные манифесты противников варварской модернизации страны, разрушавшей и природу, и человеческую культуру. Эти лидеры общественного сознания защищали самооценку «малой истории» — историческую память рядовых людей, жителей российской глубинки, их естественные и нравственные корни, они защищали маленького человека, для которого «свет переломился» и который не знал теперь, куда ему податься под напором безудержного и безличного индустриализма-урбанизма по-советски: «...просто подхватило их всех и несет, несет куда-то,

* *Винер Д.* Экология в советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М.: Прогресс, 1991; см. также: *Яницкий О. Н.* Экологическая культура. Очерки взаимодействия науки и практики. М.: Наука, 2007.

** *Распутин В. Г.* Байкал // Экологическая альтернатива / Под ред. М. Я. Лемешева. М.: Прогресс, 1990. С. 309.

не давая оглянуться... своим шагом мало кто ходит»*. Целые пласты российской крестьянской культуры уходили навсегда — леса, луга, деревни погружались под воду в прямом смысле — рыли котлованы под будущие искусственные моря. Исчезало навсегда множество подробностей — деревень, ландшафтов, редких видов растений и животных, которые в совокупности и составляли эту культуру. Научная и творческая интеллигенция, как могла, противостояла этому.

Но и техническая интеллигенция, всегда находившаяся в привилегированном положении и располагавшая огромной сетью общественных и профессиональных сообществ, также хотела большего: не только решать свои профессиональные проблемы, но участвовать в разработке перспектив развития страны. И это при наличии официальной Программы строительства коммунизма в СССР, бесконечных указаний пленумов ЦК КПСС, выступлений коммунистических лидеров, то есть огромного и постоянно действующего идеологического пресса. И тем не менее в начале 1970-х годов тысячи советских образованных инженеров с огромным профессиональным и жизненным опытом, запертых в ведомственных и часто очень закрытых НИИ и КБ, почувствовали, что им *как гражданам* там тесно, и попытались создать — ни больше ни меньше — Всесоюзную ассоциацию социального прогнозирования, что-то вроде параллельной Академии наук СССР. Конечно, полетели головы организаторов, но факт остается фактом: это была масштабная гражданская инициатива. И далеко не единственная.

О теории и практике гражданского общества

Чтобы сравнить «тогда» и «сейчас», попытаюсь изложить собственное понимание гражданского общества. Мой главный тезис состоит в том, что оно — это прежде всего люди, их моральные устои, мотивация, профессиональные качества, а потом уже институты и организации. Образованные и самостоятельные люди всегда сконструируют нужную им организацию. Россия, с ее огромными пространствами и не менее амбициозными социальными проектами, всегда отличалась самостоятельными и ищущими людьми с некоторой толикой авантюризма. Ресурсы для жизни, государственного строительства, войн, обороны и обживания новых земель надо было добывать. А полученные в ходе этих дел знания и опыт — применять в новых сферах и пространствах.

* *Распутин В. Г.* Прощание с Матерой // Наш современник. 1976. № 11. С. 22.

Социальный потенциал подобных знающих и ответственных людей накапливался, особенно в относительно спокойный период послесталинских лет.

Да, в 1970-е трудиться должны были все. Другое дело, каковы были условия этого труда, как он оплачивался. Но сам труд был мерилом всего и основой существования государства и общества. С моей точки зрения, идеал гражданского общества — это когда все население работает, когда его труд является общезначимой социальной ценностью, а не когда меньшинство «творит» и хорошо при этом зарабатывает, еще меньшая часть безумно транжирит наработанное всеми, а большинство выполняет роль почасовой прислуги безо всякой перспективы и социальных гарантий. Сегодня и на Западе, и у нас появилась новая социальная страта: работающие бедные, не уверенные в завтрашнем дне, не имеющие доступа к благам цивилизации. Не парадокс ли: в 1970-х в абсолютном исчислении бедных, вероятно, было даже больше, однако эти люди не считали себя «лузерами», «отходами общества» (Зигмунд Бауман) — они считали себя полноправными гражданами. Каждый знал, что трудом он может обеспечить себе и своей семье безбедное существование. Сегодня чем больше работающих бедных, чем больше тех, кто находится на грани нищеты, тем менее эти люди могут считаться действительными гражданами России.

Сегодня же повторяется ситуация второй половины XIX века: ученые, видя угрожающую здоровью и самому существованию нации экологическую ситуацию, «идут в народ», создавая научно-общественные центры, консалтинговые фирмы и другие гражданские объединения, именуемые в современной социологии адвокативной наукой.

Поэтому я утверждаю, что гражданское общество в 1970-е существовало и функционировало, хотя и в присущих тому периоду социальных формах и рамках. Да, был определенный сверху «коридор возможностей», а разве сегодня его нет? Даже в уставе КПСС было зафиксировано право каждого ее члена на критику вышестоящих инстанций, вплоть до самых высоких. И критиковали, между прочим. Тогда были прежде всего идеологические ограничения, теперь — финансовые, тогда существовали «железный занавес» и информационный вакуум, сегодня — информационный шум. А кое-что прямо совпадает: «черные списки» на телевидении, блат и семейно-клановые связи, принятие решений в своем кругу, кастовость, теневые структуры (тогда их называли цеховиками).

Тем не менее, я полагаю, что в некотором отношении гражданское общество СССР эпохи 1970-х обладало по сравнению с нынешним рядом преимуществ.

Во-первых, население ощущало себя гражданами СССР, могучей державы. При всех социальных различиях и национальных особенностях все были гражданами единой страны. Ощущение социальной защищенности было высоким. Столь болезненной сегодня для миллионов жителей России и стран СНГ проблемы идентификации личности не существовало.

Во-вторых, в СССР государственная политика выравнивания стартовых возможностей, развитие общественных фондов потребления и системы социального обеспечения давали возможность миллионам людей чувствовать себя равными. Бывший детдомовец сплошь и рядом становился квалифицированным инженером или руководящим работником. Социальная лестница была достаточно длинной, а социальный лифт работал. Могут возразить, что это была коммунистическая лестница и коммунистический лифт, но если я в результате становился образованным человеком и занимал достойное место в обществе, то это дела не меняет. И когда на Западе говорили о преимуществах советской системы образования и даже копировали ее, то говорили именно о советской стране, идеологическая доктрина здесь была ни при чем.

В-третьих, в отличие от сегодняшних «удачи» и «успеха» основой гражданского самостояния был труд — труд на себя и на общество, а не на «дядю Сэма» или мафиозную структуру. 30–40 лет назад у большинства тех, кого мы сегодня относим к гражданскому обществу, была позитивная мотивация: созидать, строить, сохранять, развивать. То, что сегодня обозначается заморским словечком «креатив». Конечно, и тогда, и тем более сегодня пробить брешь в бюрократической толще было нелегко. Но рычаги воздействия на нее, а главное, вера в свои силы все же были.

Сегодня же в действиях гражданских активистов преобладают задачи и технологии защиты от попрания их базовых прав и свобод — на жизнь, достойное существование, возможность вывести в жизнь детей, на сколько-нибудь чистую и безопасную среду непосредственного обитания. Тогда, в 1970-е, изобретателей и рационализаторов были сотни тысяч, у них были свои общества, денежные средства, журналы, колонка в местной прессе, заводских многотиражках. Их с уважением называли «передовиками», «маяками» производства, уважали и награждали. Если угодно, люди той поры были *положительными личностями*, то есть ответственными профессионалами, имевшими за плечами огромный производственный и общественный опыт. Никакое ЦК КПСС не могло назначить директора мебельного магазина руководителем оборонного завода или даже магазина продуктового. Профессионализм был неотъемлемым признаком гражданства. Именно

это поколение профессиональных и ответственных предложило в 1990-х свои знания и опыт «младореформаторам». Но было отвергнуто. Одни после такого слома эмигрировали, другие спились, многие пошли на улицу — митинговать и протестовать. Сегодня наше телевидение показывает какого-нибудь сельского изобретателя-одиночку как курьез, чудачество. Для миллионов россиян планка требований (и реальных возможностей) снизилась от «креатива» до элементарного выживания — не только семьи или отдельной личности, но целых народов, особенно в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Как сказал один из лидеров экологического движения в Приморье, «мы ведем сегодня только арьергардные бои».

В-четвертых, гражданское общество — это общество, участвующее в политике, в принятии решений. Обычно это его свойство трактуется как признак и мерило развития демократии. Но в полной мере это одно из ключевых определений гражданского общества. Современные СМИ приучают нас, что политика — это прежде всего борьба за власть, за передел собственности и полномочий. Но и тогда, и сейчас не менее важна была «политика повседневных дел», или, как ее именуют социологи, «неполитическая политика». Если человек является субъектом такой политики — не важно, в местном сообществе, в научной сфере или в государственных делах, — то тогда он уже гражданин. Но простого участия мало. Сегодня слово «солидарность» исключено из политического лексикона, потому что принцип неолиберальной идеологии — «каждый сам за себя».

«Мы», то есть «все как один», было официальным лозунгом советской эпохи. Но в 1970-х он уже никак не означал тотальной унификации 1920–1930-х годов. Это «мы» обладало огромным мобилизующим потенциалом, что было принципиально важно для сохранения целостности страны. А как быть сегодня, когда актуальность этой задача многократно возросла, но кто же сегодня «мы» и при каких условиях они будут действовать все как один? Посмотрите, как трудно решается вопрос идентичности в Европейском союзе. Не лучше ли сохранять построенное, чем терять и снова восстанавливать? Не возвращаться в 1970-е, а, именно сохраняя, достраивать и перестраивать?

Конечно, в 1970-е было иначе. Люди думали и действовали в поддержку других, чаще всего незнакомых и очень далеких. Эта интенция — «жалеть и помогать», глубоко укорененная в русской культуре, была многократно усилена страшной войной и последующим полуголодным существованием. У уцелевших, выживших в той страшной войне чувства братства и бескорыстной помощи были

развиты чрезвычайно. Именно они, в войну 20–30-летние, а в 1970-е уже зрелые, все понимающие и помнящие граждане, были самыми отзывчивыми. Верно, что КПСС эксплуатировала это чувство в своих политических целях. Но также верно, что без солидарных действий, взаимопонимания и поддержки мы не достигли бы ничего. Потому что солидарность — это общность целей. Да, в 1970-х солидарные политические действия преследовались, но были тысячи малых и не очень солидарностей по поводу дел повседневных, семейных и общественных, как сегодня выясняется, имеющих государственное значение. Достаточно вспомнить «неполитическую политику» поэтессы Агнии Барто, радиопередача которой «Найти человека» помогла тысячам людей и соединила такое же количество разорванных войной семей. Столь же «политическое дело» делал писатель Сергей Смирнов¹, раскапывая и рассказывая правду о событиях Второй мировой войны и разыскивая без вести пропавших на ней. Люди втягивались в эту «неполитическую политику», потому что она затрагивала их жизненные интересы.

Вообще, возможностей и реальных форм самоорганизации — не с целью «обуть», «кинуть» или «наварить», а именно с целью достижения позитивного результата, умножения общего блага, пусть даже и на очень ограниченном социальном пространстве, — было гораздо больше, чем теперь. «Вертикаль» 1970-х была, за немногими исключениями, уже формальной, рыхлой, сегодня же она много жестче и бьет сильнее.

Пространство идентификации

С высоты XXI века идентичность 1970-х выглядит слишком простой, одномерной: «Наш адрес — не дом и не улица, наш адрес Советский Союз». Пространство идентификации было четко очерченным и устойчивым: семья, друзья и соседи, производственный (научный, педагогический) коллектив, государство. Общественная структура была стабильной и понятной индивиду. Каковы бы ни были трудности и ограничения движения по социальной лестнице, это «мы» означало очень многое: защищенность, связь с другими, с общественным целым, возможное поле выбора, знание, что государство окажет тебе посильную поддержку при движении по любой из легальных жизненных траекторий.

К тому же железный обруч коммунистической идеологии слабел, а горизонтальные связи множились и укреплялись. «Неформалы» — социальный феномен следующего десятилетия, но неформальные связи идентификации, будь ты ученый, инженер, «толкач» на производстве или военпред ВПК², укреплялись,

потому что посредством их преодолевалась косность и неповоротливость бюрократической машины, делались реальные дела. Поэтому идентификация граждан с подобными сетевыми структурами (теневыми в том числе) укреплялась. Получалось, что вот так, вместе, мы — сила и можем решить (или, как тогда говорили, «пробить») любой вопрос. Сегодня, когда общество предельно атомизировано, строго говоря, это уже не гражданское общество. Без общих целей, связей взаимопонимания и поддержки людьми легко манипулировать, но их трудно мобилизовать. Государство с атомизированным гражданским обществом — слабое государство, тем более если оно хочет подвинуть его на общие дела.

Но это не все. Гражданство легальное (конституционное) имело огромную идентификационную ценность. Хотя часть гражданских прав и свобод носила декларативный характер, не было хуже наказания, чем лишение гражданства. Эмиграция евреев из СССР в 1970-х годах не понизила ценности права быть гражданином СССР. Сегодня же, когда одни эмигрировали, другие, напротив, хотят быть гражданами РФ, когда страна наводнена гастарбайтерами, беженцами и вынужденными переселенцами, когда формально гражданами РФ считаются жители не признанных мировым сообществом государств и даже анклавов, когда своим коренным жителям в своем отечестве нет работы, наконец, когда гражданством России торгуют прямо на улице, предлагая набор самых разных «идентичностей» (были бы деньги), проблема гражданства — политически и психологически — резко усложняется, расплывается. Советский человек образца 1970-х не может понять, как это вообще может быть — «человек без гражданства»? В среде множества конкурирующих идентичностей люди теряют важнейшую точку опоры своей жизни. То, что мы в отличие от 1970-х часто живем по понятиям — правилам, которые навязывает нам то одна, то другая криминальная группировка, а потом с легкостью их меняет, — разрушает как личную гражданственность, так и институт гражданского общества в целом.

Приведу пример «кодекса чести» лидера ДОП, который, как мне кажется, достаточно четко отражает одновременно гражданскую позицию и «малое идентификационное поле» этого активиста:

«1. Не зазнаваться, изучать и учитывать опыт предшествующих лидеров своей и других Дружин охраны природы (ДОП). Ни в коем случае не принимать решений единолично, не закапываться в мелочи, разрабатывать план (действий) и работать в соответствии с ним.

2. От лидера, его профессиональных склонностей зависит и направление работы ДОП, и ее успех. Лидер должен быть внутренне взрослым, хорошо организованным человеком, занимать определенное положение в ДОП.

3. Лидер должен подчинять свои интересы интересам дела, внимательно изучать опыт «стариков» (то есть дружинников, уже вышедших из студенческого возраста. — О. Я.), не отбрасывать его, но и не бояться спорить с ними. С другой стороны — не впадать в амбиции по отношению ко вновь пришедшим в ДОП, не разбрасываться людьми. Помнить, что ты — «среди равных» и обязан быть для других самым надежным, умным, оптимистичным и полным энергии товарищем, чего бы тебе это ни стоило! Изгонять из ДОП тех, кто создает видимость работы, не терпеть нарушителей дисциплины.

4. Надо предоставлять большую самостоятельность членам движения. Штаб ДОП — это совет, где она воспитывается. Пусть учатся принимать решения сами. «ДОП кончается там, где начинается возможное. Нужна постоянная практика преодоления, напряжения, делания того, что никогда не делали другие».

5. Лидер ДОП должен постоянно поддерживать в себе способность к максимальной самоотдаче, освобождать максимум времени для работы в ДОП, уметь настраивать ее членов на работу.

6. Лидер ДОП должен постоянно искать себе преемника, поддерживать постоянный контакт с членами ДОП, информировать их (то есть реализовывать их право знать).

7. Лидер должен уметь выбрать и поставить задачу, затем — организовать ее решение. Он должен быть уверенным в себе, обладать способностью отстаивать свое мнение, способностью требовать от себя и от других (но без мелочных придирок), уметь общаться с людьми разных характеров.

8. Необходимые качества лидера: абсолютная порядочность! Абсолютное отсутствие карьерных устремлений! Отзывчивость, преданность делу! Способность к критическому анализу собственных действий! Инициативность и настойчивость. Терпеливость и вежливость.

9. Профессиональные качества лидера (то есть биологические и другие профессиональные знания) — в последнюю очередь. Для лидера важны прежде всего характер, выносливость, коммуникабельность, умение обходиться без крайностей. Лидер должен в какой-то степени быть педагогом, психологом.

10. Лидеру нужны ум, обаяние, независимость суждений, а также чувство справедливости. Лидер должен уметь поставить подчиненного вровень с собой, чтобы тот видел логику действий лидера, а не только слышал голос его эмоций»*.

* Личный архив Олега Яницкого.

О пространстве личностного развития и гражданского активизма

Сегодня в публичном и научном дискурсе нет такого понятия, как *свободное время*. Можно сколь угодно иронизировать над формулой Маркса, что оно — время не только для «досуга, но также и возвышенной деятельности», но в те годы она имела огромное социальное значение. Ныне есть время развлечений, экстремального спорта, азартных игр, ночных тусовок и клубов и множества других способов «оттянуться по полной», но назвать это «возвышенной деятельностью» сложно.

В 1970-х мы думали и реально жили именно в соответствии с этой формулой. Да, у большинства зарплата была поменьше, но свободное время понималось и использовалось именно как время развития и саморазвития, причем существенно, что в этом пункте интересы индивида и государства совпадали. Поэтому в свободное время мы учились, жадно искали новые знания, ходили в театры и на концерты, слушали самодеятельных певцов и бардов. А главное — в свободное время стремились лучше узнать и понять собственную страну. Вероятно, никогда позже не было такого количества групп молодежи и вполне взрослых людей, которые по собственной инициативе и за свои деньги облазили страну — ездили, плавали на плотках и байдарках, ходили пешком, расспрашивали и писали дневники, собирали чудом сохранившиеся предметы и устные памятники старины в самой глубокой российской глубинке. Для формирования гражданского самосознания это было принципиально важно: узнать, организовать, поехать и увидеть самому. Комсомол такую активность не мог оставить без присмотра. По инициативе журнала «Сельская молодежь» (в то время научно-познавательных журналов для молодежи было более десятка, и выходили они миллионными тиражами) в 1970–1980-х годах было проведено десять длительных научно-познавательных экспедиций под общим названием «Живая вода»*. Но результат был все тот же: молодые люди познавали свою страну, ее проблемы и беды и — определяли свою позицию по отношению к ним. Не парадокс ли: страна в то время была разделена десятками ведомственных барьеров (когда в 1966 году, во время одного из своих первых опытов «социологического поля», я увидел карту одного из областных центров, я ахнул: это был не город, а архипелаг тысячи ведомственных островов), но интегрирована на низовом уровне человеческих отношений. Граждане

* Ярошенко В. Г. Экспедиция «Живая вода». М.: Молодая гвардия, 1989.

высоко ценили человеческие связи, дружеское общение, что и показало исследование бюджетов времени трудящихся (о нем ниже) и последовавшие за ним исследования общественного мнения.

Здесь мы подходим к еще одному важному тезису: гражданская активность есть плод двух человеческих мотивов — саморазвития и взаимной поддержки. А где, как не в подобных дружеских самостоятельных познавательных путешествиях (не путать с туризмом!), спланивались подобные малые группы гражданской активности, тем более столкнувшись с реальной действительностью. Это потом, почти через двадцать лет, Андропов скажет, что «мы плохо знаем свою страну». А ученые, инженеры, художники и архитекторы в 1970-х годах узнавали свою страну из первых рук и, естественно, обсуждали увиденное и услышанное. Так что не «прогулками на природу» были подобные путешествия, а социологией личного наблюдения и гражданского опыта, которая стимулировала мысль и действие.

Три личностных качества экоактивистов того времени я бы выделил особо: целеустремленность, устойчивость, коммунибельность.

Почему именно *целеустремленность*, а не просто активность? Потому что в основе этой целеустремленности лежит совокупность природоохранных ценностей, работа по реализации которых требует настойчивости, твердости, желания и умения противостоять обстоятельствам. Коммунистическая идеология была враждебна экологически ориентированной парадигме общественного развития, в каких бы формах она ни выражалась*. Поэтому и сорок, и двадцать лет назад активисты российского экологического движения знали, на что шли, выбирая эту далеко не самую житейски обеспеченную и политически благонадежную жизненную траекторию. В том же направлении действовала приверженность экоактивистов демократическим ценностям, и прежде всего — ценностям самоорганизации и самоуправления. В 1990-х эти принципы стали конституционно закрепленными (но до сих пор далеко не всегда реализуемыми на практике), а для участников экологического движения 1970-х они были нормой с самого начала.

Вторая личностная характеристика — *психологическая и социальная устойчивость*, сопротивление давлению социальной среды, нормам и ценностям «директивного» общества. Эти свойства есть результат вторичной социализации в среде молодежного (студенческого) экологического движения — борьба в защиту

* О борьбе пасторалистов, сайентистов и утилитаристов в истории советского природоохранного дела см.: Винер Д. Экология в советской России.

природы консолидировала, объединяла. Личность, сформированная этим движением, имела «точку опоры» в общем (именно дружинном, а не просто студенческом) прошлом и в сетях международного экологического сообщества в настоящем. Плюс «личностные референции» — связи с теми учеными и педагогами, которые учили их не бояться идти против течения, передавали, прививали им экологические ценности и знания в ходе борьбы за охрану природы. Иными словами, устойчивость этой группы людей обеспечивалась общей идеологией, коллективной историей и актуальной опорной социальной структурой (сеть дружин). Реально формирование психологической устойчивости осуществлялось в самых различных формах: развитие и продвижение природоохранного законодательства, участие в акциях протеста, в личном общении с учеными — основателями природоохранного движения, а позже через институт зеленой прессы, публикацию документов по истории движения и так далее.

Третья характеристика интересующего нас типа личности — это *коммуникабельность*. Специфическая вторичная социализация, публичная деятельность, долгие годы осуществляющаяся на грани легальности, опыт междисциплинарного и межсекторального общения, навыки коммуникации «между» (наукой и практикой, учебным процессом и полем, с партийными и комсомольскими работниками разного уровня и кругозора, с идейными союзниками и противниками, местным населением) — весь этот многогранный жизненный опыт сформировал тип «бывалого человека». Причем устойчивость, о которой только что говорилось, не позволила этой коммуникабельности, вопреки многим жизненным соблазнам, соскользнуть во всеядность, беспринципность. Во времена перестройки и позже эта устойчивость обеспечила ряду профессионалов-активистов жизненное благополучие.

Вот как они сами оценивают свое дружинное прошлое:

«Мы делали общее дело, дружили, путешествовали, учились. Не будет преувеличением: Дружина стала для нас школой жизни, демократии, школой единства и взаимопонимания, школой уважения к суверенитетам: для достижения успеха членам дружинного движения нужно было научиться понимать друг друга. Школой борьбы: начиная с браконьеров и кончая органами власти. И настоящей школой дружбы»*.

Конечно, если сравнивать их с молодыми тогда социологами, сравнение будет не в пользу последних. У меня, как и многих мо-

* Краснова Е. Я — дружинница. Что стоит за этим признанием? // Охрана дикой природы. 2001. № 1 (20). С. 18.

их коллег, пришедших в социологию не из гуманитарных вузов, не было ни авторитетных учителей, ни научной школы. Но у нас было и серьезное преимущество: мы не были отравлены фальсифицированным марксизмом-ленинизмом. Тем не менее с конца 1960-х годов существовала и развивалась Советская социологическая ассоциация, где мы по крупицам набирали опыт и знания, встречались и даже научились выступать на международных социологических форумах. Я, как и многие мои коллеги, был рационалистом и прогрессистом, поэтому мне хотелось не только максимально интенсивно использовать личное свободное время, но и понять, какова социальная структура советского общества, как она развивается, что действительно дает людям. Мне, как урбанисту, было чрезвычайно интересно понять, как это время размещается в городском пространстве.

Как говорится, «на ловца и зверь бежит». В конце 1960-х годов по инициативе сибирских социологов было организовано первое в СССР полномасштабное исследование бюджетов времени трудящихся, которое позже было повторено уже как международное. Конечно, все это делалось под патронажем ЦК КПСС и государственных органов. Лидеры страны хотели иметь общую картину состояния труда, быта и досуга (официальная формулировка) в стране и использовать результаты в пропагандистских целях. А социологи понимали, что такое исследование — уникальная возможность увидеть страну, ее людей, интересы *в деталях* — по возрастным, социальным и другим группам. И в результате (для тех, кто умел полученные результаты читать) выяснилось, что страна обладает огромным, но совершенно недостаточно используемым интеллектуальным и гражданским потенциалом. Иначе откуда бы взялись не только наши успехи, но и тысячи тех, кто через десять лет эмигрировал на Запад в поисках не только комфортной жизни, но прежде всего — условий для реализации этого интеллектуального потенциала в науке, медицине, бизнесе. И в своем большинстве преуспел. Откуда бы взяться нынешним зрелым лидерам экологического, женского, жилищного и многих других общественных движений, активистам многочисленных общественных палат на местах, организаторам НКО, консалтинговых фирм? Конечно, как только мы, группа начинающих урбанистов, захотели применить данные этого социологического исследования к практике проектирования и строительства, у нас начались конфликты с властью — она вовсе не стремилась воплотить рекомендации ученых в жизнь, иначе началась бы ревизия принципов государственной социальной политики. Последовала директива сверху: «Архитекторов от исследования отстранить!»

Я и мои коллеги персонально получили клейма «ревизионистов», мы судились с издательством, заблокировавшим выход первой коллективной монографии по социологии города, мой директор, сторонник концепции коллективного быта 1920-х годов, с симпатией оценивавший опыт китайских коммун времен «культурной революции», грозил мне увольнением по «волчьей» статье³ и так далее. Но это лишь укрепило меня в убеждении, что повседневная жизнь рождает не только проблемы, но и сообщества неравнодушных граждан, берущихся за их разрешение.

Идеологи российского либерализма сделали своим знаменем только конкуренцию, победу над слабым, успех — и получили общество, расколотое на «виннеров» и «лузеров»⁴. А время, которое могло быть использовано на благо всей нации, утекло безвозвратно. Можно все переделить и перестроить, но вернуть упущенное время — этот главный ресурс современности — нельзя. Хорошо бы, если идущее нам на смену поколение социологов next⁵ усвоило это.

Некоторые уроки

Если попытаться перенестись в 1970-е, то позиция и действия активистов тех лет представляются безусловно гражданскими, но с прогрессистским и технократическим акцентом: «Мы в ответе за собственное будущее и способны его создать». Было ясное чувство принадлежности к великой державе, так что с идентичностью было все в порядке. Ученые ощущали свою ответственность за сохранение мира — с Западом мы были на равных. Но одновременно все более приходило осознание тупиковости глобального противостояния, необходимости сотрудничества, прежде всего в сфере защиты природы и прав человека. Гражданский активизм, хотя и вынужден был развиваться в рамках командно-бюрократической системы как некоторое «братство единомышленников», все время выходил за ее пределы, тем самым раздражая и беспокоя ее. Было и странное раздвоение сознания у активистов тех лет: государство надо было поддерживать и даже ему «помогать», но главным врагом человека и природы были ведомства, бывшие частью той же государственной машины. Тем не менее жить этим людям было явно интересно, времени не хватало, казалось, что все желания будут исполнены, потому что возможности безграничны.

Если теперь взглянуть отсюда «туда», то первое ощущение, что сегодня мы скорее часть неуловимых и безымянных глобальных структур, нежели своих, российских. Корни явно ослабели, неопределенность усилилась. Пришло осознание, с какой мощной

машиной контроля и манипулирования тогда пришлось столкнуться. И все же она была более «респонсивной»⁶, вменяемой, нежели нынешняя. Тогда была очень большая дистанция между активизмом и обыденностью (бытом), ныне она сильно сократилась благодаря появлению третьего сектора⁷, всевозможных НКО. Сегодня приходится удивляться, что в наше жестокое время еще находится молодежь, подобная «прошлой», то есть убежденная в своей правоте и стремящаяся изменить ситуацию. К тому же законодательство сузило «коридор возможностей» гражданского активизма до нескольких узких тропинок. Стало гораздо меньше энтузиазма, порыва, активисты стали рационалистами, которые прежде всего калькулируют ресурсы и разрабатывают технологии эффективного гражданского действия. И вероятно, самое главное: тогда бюрократия была «пробиваема», потому что были КПСС, профсоюзы, центральная пресса и многочисленные официально одобряемые добровольные общества и творческие союзы, от которых требовалась деятельность и в которые при случае можно было пожаловаться. Сегодня бюрократия почти непробиваема, потому что нет другой власти, кроме нее.

Гражданское общество было в СССР всегда, хотя бы в форме индивидуальной инициативы, одиночного сопротивления или братства единомышленников. В социологической литературе много написано о роли «незримых коллективов в науке». Но братство единомышленников — все еще не изученный социологический феномен. Хотя в истории русской науки есть классический тому пример: «Братство» Владимира Вернадского и его коллег и близких, просуществовавшее более пятидесяти лет*. 1970-е годы — важный этап развития: появление на публичной арене гражданских инициатив и общественных движений, индивидуально и коллективно выступавших в защиту природы, этап осознания ценности обустроенной, обжитой среды человеческого обитания. Основные скрепы гражданского общества — общественное благо, индивидуальная заинтересованность в сохранении прошлого и созидании лучшего будущего. Уничтожить общий интерес — значит превратить общество в скопище наемников, гастарбайтеров и искателей легкой наживы.

Куда ни посмотри: назад, в 1970-е, или «вперед», на продвинутый Запад, приходишь к одному выводу: общественность, гражданская активность должны существовать не «при» и не «под» государством, а как суверенная и независимая часть гражданского

* Вернадский В. И. Дневники. 1935–1941. Кн. 1, 2 / Отв. ред. В. П. Волков. М.: Наука, 2006.

общества. Официальный коллективизм постепенно размывался изнутри, трансформируясь тут и там в сообщества единомышленников и группы по интересам. Люди, наблюдавшие в течение двух послевоенных десятилетий, как многократно переписывается новейшая отечественная история, стали искать точки опоры в процессах освоения и осмысления окружавшей их повседневности. Контакт с повседневностью дал импульс к гражданскому действию. Наконец, и тогда, и сейчас и в центре, и в глубинке тон гражданскому действию задает интеллигенция.

